

Санкт-Петербургская  
православная духовная академия  
*Архив журнала «Христианское чтение»*

**В.А. Беляев**

**Ответ  
«Христианину-теисту»**

*Опубликовано:  
Христианское чтение. 1914. № 9. С. 1169-1183.*

© Сканирование и создание электронного варианта:  
Санкт-Петербургская православная духовная академия  
([www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)), 2009. Материал распространяется на основе  
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием  
авторства без возможности изменений.



СПбДА  
Санкт-Петербург  
2009

## Отвѣтъ „Христіанину-теисту“.

**В**Ъ іюньскихъ книжкахъ журналовъ — петербургскаго „Миссіонерское обозрѣніе“ и московскаго — „Голось Церкви“ появилась — за подписью „Христіанинъ-теистъ“ — критическая замѣтка, посвященная разбору моей диссертациі „Лейбницъ и Спиноза“, Спб. 1914. Авторъ замѣтки — или его издатель — безспорно заботился о возможно широкомъ ея распространеніи, такъ какъ, не удовлетворившись одновременнымъ напечатаніемъ замѣтки въ двухъ журналахъ, пустилъ въ обращеніе еще отдѣльные оттиски ея (изъ журнала „Голось Истины“).

Критикъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ „Христіанинъ-теистъ“, совершенно не касается научныхъ недостатковъ или достоинствъ моей книги. Его интересуеть исключительно вопросъ о пригодности моего сочиненія въ качествѣ диссертациі на богословскую степень. Разсматривая сочиненіе только съ этой стороны, мой критикъ приходитъ къ весьма неблагоприятному для меня результату. До чего выводы автора замѣтки безотрадны, видно изъ того скорбнаго восклицанія, какимъ онъ ее оканчиваетъ: „И за это (г. Вѣляевъ) получаетъ степень магистра не пантеизма и не антихристіанства, а богословія православной Церкви“.

Я долженъ прежде всего успокоить моего критика, что степени магистра богословія еще не получилъ, такъ какъ до сихъ поръ не утверждёнъ въ оной Св. Синодомъ. А затѣмъ, если бы это даже и произошло, то не думаю, чтобы совершилась ужъ очень большая несправедливость. Я не теряю надежды убѣдить въ этомъ и моего суроваго критика, такъ какъ мнѣ кажется, что онъ добросовѣстно заблуждается и дѣйствуетъ изъ чистыхъ побужденій религіозной ревности.

Почему же авторъ замѣтки признаетъ мое сочиненіе недостойнымъ степени магистра богословія? Соображенія его могутъ быть сведены къ слѣдующему положенію: сочиненіе Бѣляева недостойно степени магистра богословія потому, что большая часть этого сочиненія не имѣетъ богословскаго значенія, а та часть, которая это значеніе имѣетъ, грѣшитъ противъ истины православнаго ученія и заключаетъ многія неправыя мнѣнія.

Повидимому, первое обвиненіе меня могло бы и не озачивать особенно: не велика бѣда, если нѣкоторые отдѣлы сочиненія забракованы, какъ не богословскіе; остальное содержаніе сочиненія можетъ ему обезпечить богословскую цѣнность. Но не таковъ мой критикъ, чтобы можно было утѣшать себя возможностью такого выхода. Онъ держится правила, что коли бить, такъ ужъ съ плеча, и старается наносить только смертельные удары. Разсматривая различные отдѣлы моего сочиненія съ точки зрѣнія ихъ богословскаго значенія, мой строгій критикъ выбрасываетъ за бортъ, по крайней мѣрѣ,  $\frac{6}{7}$  моего сочиненія, соглашаясь безъ всякихъ оговорокъ признать богословскій характеръ лишь за  $\frac{1}{7}$  его частью. Понятно, что послѣ такой опустошительной операціи мои дѣла должны оказаться совсѣмъ плохими, такъ какъ мудрено претендовать на ученую степень съ брошюркою въ 50 страничекъ въ рукахъ. Но, на мое счастье, строгость сужденій моего критика находится въ далеко неполномъ соотвѣтствіи съ ихъ основательностію. Авторъ замѣтки, очевидно, слишкомъ увлекся критическимъ настроеніемъ и, желая меня во что бы то ни стало уничтожить, впадаетъ въ такія крайности, которыя недостойны просвѣщеннаго и разсудительнаго человѣка. Взять хоть бы то понятіе богословія и богословскаго сочиненія, которымъ авторъ при этомъ орудуетъ. Это понятіе отзываетъ такой „святой простотой“, что его какъ то странно встрѣчать въ замѣткѣ, претендующей на авторитетныя научно-богословскія сужденія. Повидимому, авторъ думаетъ, что если ты богословъ, такъ имя Божіе не должно сходить съ твоихъ устъ, и если ты пишешь богословское сочиненіе, то каждая строка твоего сочиненія должна непременно имѣть богословское содержаніе. Этотъ взглядъ очень нелѣпъ, но, очевидно, авторъ именно имъ руководится. По крайней мѣрѣ, иначе я отказываюсь понять всѣ направленныя противъ меня разсужденія. Авторъ за-

мѣтки какъ будто никогда не держаль въ рукахъ ни одного богословскаго сочиненія. Неужели ему неизвѣстно, что чуть нѣ въ каждое богословское сочиненіе неизбѣжно входятъ отдѣлы такого свойства, которые, не представляя сами богословскаго содержанія, однако, имѣютъ неоспоримое богословское значеніе, *давая основаніе* для утвержденій безусловно богословскаго характера? Неужели мой критикъ не знаетъ, что могутъ быть цѣлыя изслѣдованія, посвященныя вопросамъ хронологіи, географіи, филологіи, не имѣющія непосредственнаго богословскаго содержанія и, однако, не возбуждающія никакого сомнѣнія относительно своего богословскаго характера? Вѣдь, если „методъ“ автора замѣтки примѣнить къ самымъ уважаемымъ богословскимъ работамъ, то многія изъ нихъ пришлось бы опустошить наполовину, а инныя совсѣмъ зачеркнуть отъ первой страницы до послѣдней. Все это совершенно не приходитъ на умъ моему почтенному критику, и онъ съ легкимъ сердцемъ объявляетъ одинъ за другимъ отдѣлы моей диссертации „не имѣющими богословскаго значенія“ только потому, что непосредственное богословское содержаніе въ нихъ или отсутствуетъ, или имѣется въ небольшомъ размѣрѣ. Такъ, авторъ однимъ взмахомъ выводитъ изъ строя всю первую часть моего сочиненія: „Быль ли Лейбницъ когда-либо спинозистомъ?“ заявляя, что она „имѣетъ елишкомъ ничтожное отношеніе къ богословію“ (стр. 3<sup>1</sup>). Дѣйствительно, эта часть не имѣетъ богословскаго значенія сама по себѣ, поскольку не представляетъ богословскаго содержанія, но разсматривать ее отдѣльно нелѣпо, такъ какъ она находится въ органической связи съ главною частію, а за этой послѣдней и самъ критикъ признаетъ богословскій характеръ. На значеніе этой части моего сочиненія для основной задачи темы (богословская цѣнность этой задачи критикомъ не оспаривается, см. стр. 3) ясно указывается во введеніи. Здѣсь, на стр. XVI, можно прочесть: „Задача этого сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы освѣтить систему Лейбница, какъ систему теистическую, противоположную пантеизму Спинозы. Но на пути къ выполненію этой задачи мы встрѣчаемся со странной, парадоксальной, но весьма давней и живучей мыслию о спинозизмѣ“

<sup>1</sup>) Замѣтка „Христианина-теиста“ цитируется мною по отдѣльному оттиску изъ журнала „Голосъ Церкви“.

Лейбница, съ мыслию о зависимости его системы отъ философіи Спинозы или, по крайней мѣрѣ, о близости ея къ послѣдней. Совершенно очевидно, что прежде чѣмъ говорить о теистическомъ характерѣ философіи Лейбница, необходимо свести счеты съ этою мыслию. Пока этого не будетъ сдѣлано, мы, собственно, лишены права говорить о Лейбницѣ, какъ представителѣ теистической философіи. И только разсѣявъ призракъ спинозизма, мы получаемъ твердую опору для выполнения нашей основной задачи“.

Кажется, ничего нельзя возразить противъ правильности такого рода соображеній, но автору замѣтки было угодно совершенно не обратить вниманія на эти строки и объявить всю первую часть моего сочиненія совершенно ненужною. Впрочемъ, это нисколько не удивительно, такъ какъ мой критикъ повидимому плохо читалъ то сочиненіе, о которомъ такъ увѣренно судить. По крайней мѣрѣ только малымъ знакомствомъ съ моею книгой я могу объяснить рѣшительное, какъ всегда, заявленіе автора замѣтки, что I глава второй части моего сочиненія, трактующая о гносеологическихъ воззрѣніяхъ Спинозы и Лейбница, „написана совершенно не на тему“ (стр. 5—6). Въ моей книгѣ доказывается, что различіе гносеологическихъ воззрѣній обоихъ философовъ лежитъ въ основѣ различія ихъ міровоззрѣній, въ частности, ихъ ученія о Богѣ и отношеніи Бога къ міру. Можно эту мысль оспаривать, можно признать мою аргументацію слабой, но утверждать, что находящаяся въ такомъ отношеніи къ послѣдующему глава „написана совершенно не на тему“, это значитъ расписываться въ непониманіи предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Не менѣе рѣшительно отрицаетъ авторъ замѣтки за этимъ отдѣломъ и его богословское значеніе. Но утверждать это можно опять, только не читая этой главы. Не говоря уже о томъ, что она, какъ и первая часть моего сочиненія, находится въ органической связи со всѣмъ цѣлымъ сочиненія, эта глава непосредственно заключаетъ въ себѣ важное богословско-философское содержаніе. На мой взглядъ, рассматриваемая глава для выясненія отношенія теизма къ пантеизму имѣетъ даже большее значеніе, чѣмъ глава вторая, въ богословскомъ характерѣ которой мой критикъ не сомнѣвается. Излагаемая въ 1 главѣ воззрѣнія Лейбница, по моему мнѣнію, даютъ весьма глубокое и оригинальное преодолѣніе натурализма и фатализма Спинозы,

представляя въ то же время строго философское обоснованіе теистическаго ученія о Богѣ, какъ разумномъ и нравственномъ Виновникѣ условнаго бытія (см. особ. §§ 23, 24, 25 и 26 этой главы). Но знакомясь съ сочиненіемъ „по оглавленію“, мой критикъ, разумѣется, ничего этого не усмотрѣлъ.

Я сказалъ, что за II главой второй части авторъ замѣтки признаетъ богословское значеніе. Я долженъ поправиться; безусловно это авторъ дѣлаетъ лишь въ отношеніи 2-го отдѣла этой главы, трактующаго о воззрѣніяхъ Лейбница на Бога и міръ. Что же касается перваго отдѣла ея, трактующаго о соответствующихъ воззрѣніяхъ Спинозы, то мой критикъ этимъ отдѣломъ также недоволенъ, находя, что „трудно признать этотъ отдѣлъ богословско-философскимъ (!?) изложеніемъ пантеистической системы Спинозы“ (стр. 6). Признаться сказать, я не совсѣмъ понимаю, какъ это можно „богословски“ (критикъ разумѣетъ, конечно, христіанское богословіе) излагать воззрѣнія анти-христіански настроеннаго мыслителя. Если авторъ замѣтки имѣетъ въ виду здѣсь изложеніе критическое, соединенное съ выясненіемъ несостоятельности воззрѣній Спинозы, то я не понимаю, почему онъ тогда мною недоволенъ, такъ какъ я именно такъ Спинозу въ данномъ случаѣ и излагаю (245—263). Къ послѣдней, III главѣ, второй части моего сочиненія, говорящей о психологическихъ и нравственныхъ воззрѣніяхъ, авторъ замѣтки отнесся болѣе милостиво, чѣмъ къ первой; онъ не призналъ ее „написанной не на тему“, а ограничился лишь пренебрежительнымъ замѣчаніемъ, что „богословско-философскаго матеріала здѣсь мало“ (стр. 13). Между тѣмъ въ этой главѣ трактуются такіе вопросы, какъ о субстанціальности души, ея неразрушимости и безсмертіи, свободѣ воли, началѣ нравственной дѣятельности, о любви къ Богу и ближнему. Какъ видятъ читатели, моего критика не легко удовлетворить!

Кажется, авторъ замѣтки могъ бы удовлетвориться уже нанесеннымъ мнѣ ударомъ. Ударъ съ его точки зрѣнія долженъ быть признанъ смертельнымъ, разъ оказывается, что изъ всей диссертациі на богословское значеніе могутъ претендовать всего какихъ-нибудь 50 страничекъ. Нѣтъ, мой критикъ строгъ до жестокости. Онъ продолжаетъ наносить удары своему поверженному во прахъ противнику и удары самыя тяжелыя, доказывая, что и на уцѣлѣвшихъ отъ его опусто-

шительнаго нашествія 50 страничкахъ ничего не заключается, кромѣ всякихъ нечестивыхъ заблужденій. Авторъ замѣтки и здѣсь, конечно, вѣренъ себѣ. Онъ пускаетъ въ ходъ самое тяжелое и самое сильное оружіе. Онъ обличаетъ меня и въ пантеизмъ, и въ дуализмъ, и въ проповѣди натуралистической морали; заявляетъ о моемъ кощунствѣ, цинизмѣ, „дерзновеніи“, и подъ конецъ находитъ возможнымъ обвинить даже въ антихристіанствѣ. Но и здѣсь меня Богъ хранитъ отъ страшныхъ ударовъ моего противника, такъ какъ на дѣлѣ они поражаютъ воздухъ или вѣтряныя мельницы его собственныхъ измышлений.

Разсужденія, при помощи которыхъ авторъ замѣтки обличаетъ меня во всякихъ ересеяхъ, не основательнѣе тѣхъ, при помощи которыхъ онъ „разъясняетъ“ небогословскій характеръ моего сочиненія. Авторъ замѣтки истолковываетъ мои мысли самымъ произвольнымъ образомъ и усматриваетъ въ моихъ разсужденіяхъ то, чего въ дѣйствительности они не содержатъ. Причиною этого страннаго обстоятельства, по моему мнѣнію, служить та же, можетъ быть, благочестивая, но не вполне разумная ревность, которая вообще побудила автора къ полемическому противъ меня выступленію. Про моего почтеннаго критика можно сказать, что онъ страдаетъ преувеличенною ересебоязнію. Во всякомъ философскомъ разсужденіи на религіозную тему ему ужъ чудится тяжкое заблужденіе.

Это, напримѣръ, случилось съ моими разсужденіями о твореніи міра изъ ничего. Моему критику отъ этихъ разсужденій становится не по себѣ и онъ готовъ въ нихъ видѣть даже нѣчто „чудовищное“. Онъ не сумѣлъ разобраться въ томъ, что я отстаиваю совершенно ту же мысль, какъ и онъ, но у меня при этомъ принимаются во вниманіе и требованія разума, отъ которыхъ здѣсь трудно отдѣлаться.

Мои разсужденія о твореніи міра довольно просты. Они рассчитаны на то, чтобы, во-первыхъ, обосновать теистическую формулу творенія *ex nihilo* и одновременно разъяснить ея подлинный смыслъ, а съ другой стороны, показать естественность и законность нѣкоторыхъ приблизительныхъ представлений, облегчающихъ для нашей мысли пониманіе этой непостижимой истины.

Обоснованіе теистическаго тезиса о твореніи *ex nihilo* у меня ведется діалектически. Я указываю на то, что этотъ

тезисъ естественно получается, разъ пути пантеизма и дуализма будутъ признаны невозможными (невозможность ихъ въ моей книгѣ подробно выясняется). Если міръ образованъ ни изъ Божества, ни изъ сущности, отличной отъ Божества, то, значитъ, онъ изъ ничто. „Ничто“ въ данномъ случаѣ и замѣщаетъ эти двѣ возможности. Такимъ образомъ, получается не только діалектическое обоснованіе теистическаго тезиса, но и его разъясненіе: чрезъ подстановку на мѣсто „ничто“ тѣхъ конкретныхъ возможностей, которыя здѣсь исключаются, устраняется неизбежно навязывающееся представленіе о „ничто“, какъ какомъ-то матеріалѣ. Наша мысль и нашъ языкъ находятся во власти матеріальной причинности, и освободиться отъ нея можно не иначе, какъ цѣною значительнаго усиленія мысли. Это и преслѣдуется въ моемъ разъясненіи. Кромѣ того, данное у меня діалектическое выведеніе теистическаго тезиса представляетъ еще ту выгоду, что, разъясняя его смыслъ, оно въ то же время обосновываетъ его непостижимый характеръ. „Такимъ образомъ, можно прочесть въ моей книгѣ, наша мысль въ этомъ пунктѣ, повидимому, упирается въ тупикъ: ни по одному изъ двухъ возможныхъ путей (т. е. путей пантеизма и дуализма) идти нельзя. Иными словами: въ данномъ случаѣ, очевидно, передъ нами такой вопросъ, при рѣшеніи котораго мы вплотную подходимъ къ границамъ нашего познанія. Теизмъ и заключаетъ въ себѣ это признаніе. Его ученіе о твореніи ex nihilo и есть прежде всего такое ignotamus... Теизмъ сознательно и принципиально признаетъ въ происхожденіи условной реальности отъ Безусловнаго элементъ непостижимаго“ (стр. 274—5).

Подчеркнувъ непостижимый характеръ теистическаго ученія о твореніи, я далѣе отмѣчаю тѣ приблизительныя представленія, при помощи которыхъ мы получаемъ возможность мыслить эту непонятную саму по себѣ истину. Эти приблизительныя представленія имѣютъ нѣчто общее какъ съ пантеизмомъ, такъ и съ дуализмомъ, и состоятъ въ допущеніи, съ одной стороны, того, что Богъ въ актѣ творенія какъ бы нѣчто сообщилъ міру изъ того, что принадлежитъ Ему, именно часть Своихъ совершенствъ, а съ другой, того, что Богъ при сотвореніи міра, какъ бы имѣлъ предъ Собою нѣчто положительное, именно „ничто“, которое, такимъ образомъ, какъ бы истолковывается въ положитель-



номъ смыслѣ. Я повторяю, что всѣмъ этимъ представленіямъ у меня придается несобственное, приблизительное значеніе и о нихъ я говорю, имѣя въ виду нѣкоторыя понятія нашего богословія и даже Свящ. Писанія.

Вотъ и вся моя теорія творенія, если только ее такъ можно назвать. Кажется, никакихъ ужасовъ она не заключаетъ. Однако, моему критику, какъ мы видѣли, она показалась чѣмъ-то чудовищнымъ. Это случилось, конечно, потому, что онъ ея не понялъ и истолковалъ самымъ неправильнымъ образомъ. До чего превратно меня понимаетъ авторъ замѣтки, лучше всего свидѣтельствуется то, какъ онъ истолковалъ мое діалектическое выведеніе теистическаго тезиса. Онъ у меня усмотрѣлъ здѣсь ни болѣе ни менѣе, какъ генетическое выведеніе теизма изъ пантеизма и дуализма, и упрекаетъ меня въ примѣненіи къ религіи эволюціонной точки зрѣнія. „Только при признаніи чисто человѣческой религіозной эволюціи, увѣренно заявляетъ мой критикъ, возможно допустить сужденіе г. Вѣляева объ *ex nihilo*. Но такое признаніе не согласно съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, по которому пантеизмъ и дуализмъ являются уклоненіемъ отъ первичной формы религіи — богооткровеннаго монотеизма“ (стр. 8). Я долженъ обратить вниманіе моего почтеннаго критика, что моя мысль вращается въ области идей, а въ области идей нѣтъ перваго и послѣдующаго; наука, въ идеальномъ смыслѣ, представляетъ собою вѣчную и неизмѣнную, замкнутую систему истинъ. Можетъ быть, мой просвѣщенный критикъ меня лучше пойметъ, если я здѣсь прибѣгну къ сравненію: обвинить меня, на основаніи моихъ разсужденій, въ историческомъ выведеніи теизма изъ пантеизма и дуализма такъ же нелѣпо, какъ упрекать въ извращеніи дѣйствительныхъ причинныхъ отношеній человѣка, заключающаго по наличности тѣни о присутствіи соотвѣтствующаго предмета.

Смутило автора замѣтки и слово *ignogamus*, которое встрѣчается въ вышеприведенномъ отрывкѣ. Кажется, изъ контекста ясно, что этимъ словомъ я хотѣлъ выразить непостижимый характеръ творенія изъ ничего. А мой критикъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на этомъ словѣ, разсуждаетъ по его поводу слѣдующимъ образомъ: „Но откуда же авторъ взялъ, что теистическое *ex nihilo* тождественно съ *ignogamus*? Вѣдь *ignogamus* можетъ допускать все и ничего не утверждать.

А теистическое *ex nihilo* рѣшительно утверждаетъ и тѣмъ даетъ положительный отвѣтъ, что Богъ силою Своего всемогущества создалъ міръ изъ ничего. Для человѣка это невозможно и непостижимо, а для Бога возможно“ (стр. 8). Я долженъ поблагодарить критика за этотъ урокъ Закона Божія по программѣ приготовительнаго класса, но рѣшительно заявляю, что въ немъ я не нуждаюсь. Если бы авторъ замѣтки дѣйствительно читалъ мою книгу, а не просматривалъ только ея заголовки, то онъ бы убѣдился, что мысль о произведеніи міра силою Божественной воли у меня не только высказывается, но и *обосновывается философски* и это дѣлается какъ разъ въ той I главѣ второй части, которая критикомъ была безъ дальнихъ разговоровъ признана за „написанную не на тему“. И въ данномъ случаѣ, когда я выясняю непостижимый характеръ ученія о твореніи, я эту мысль, разумѣется, предполагаю. Мое *ignotamus* относится не къ зависимости міра въ своемъ происхожденіи отъ Божественной воли, а именно къ моменту отсутствія соотвѣтствующаго матеріальнаго субстрата. Мой критикъ меня, точно школьника, поучаетъ насчетъ непостижимости акта творенія. Но онъ, повидимому, и не подозреваетъ о томъ, что мало толковать о непостижимости, нужно эту непостижимость обосновать, нужно убѣдить въ ней умъ, показать, что здѣсь дѣйствительно мы наталкиваемся на границы нашего познанія. Однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ для этого, по моему мнѣнію, является вскрытіе антиномій, когда предъ нашею мыслию намѣчаются два взаимно-исключающихъ другъ друга пути и когда доказывается, что ни по одному изъ этихъ путей идти невозможно. Этотъ методъ я и примѣнилъ для обоснованія непостижимаго характера теистическаго положенія о твореніи *ex nihilo*, доказывая, что ни одинъ изъ двухъ открывающихся предъ человѣческою мыслию путей для объясненія происхожденія условнаго изъ безусловнаго источника—именно, ни путь пантеизма, ни путь дуализма—не можетъ быть принятъ. Такимъ способомъ богословское положеніе у меня получало *философское разъясненіе*, что, я думаю, для всякаго просвѣщеннаго богослова должно быть признано какъ нельзя болѣе желательнымъ.

Но это еще не горшее изъ недоразумѣній моего критика. Особенно въ неловкое положеніе попадаетъ онъ, когда обращается къ обвиненію меня въ пантеизмъ и дуализмъ одно-

временно. Мой критикъ настолько невнимателенъ къ ходу своей мысли, что даже и не задумался надъ тѣмъ, какъ это можно заразъ исповѣдывать два противоположныхъ воззрѣнія. Встрѣтивъ въ моихъ сужденіяхъ эти два страшные для него термина, мой критикъ торопится меня обвинить въ обоихъ заблужденіяхъ нисколько не считаясь съ моею мыслью. У меня ясно и не разъ указывалось, что пантеистическія и дуалистическія представленія мною берутся въ несобственномъ, приблизительномъ смыслѣ. Допуская такія представленія, я вездѣ подчеркиваю такое ихъ пониманіе самымъ способомъ выраженія, употребляя союзы: какъ бы, какъ будто и т. п. Но авторъ ко всему этому слѣпъ и глухъ и повторяетъ только, что я дуалистъ и пантеистъ.

Какъ я уже указывалъ, такія представленія для нашей мысли совершенно необходимы и они встрѣчаются и въ богословіи, и въ твореніяхъ отцовъ, и даже Свящ. Писаніи. Поэтому съ своими обличеніями по моему адресу мой критикъ попадаетъ въ весьма неудобное положеніе, что, конечно, имъ не замѣчается. Обличая мой пантеизмъ, неосмотрительный критикъ пишетъ: „Откуда авторъ взялъ, что, по ученію теизма, „Богъ нѣчто сообщилъ міру изъ того, что принадлежитъ ему, именно часть своихъ совершенствъ?“ Вѣдь, такъ, дѣйствительно, учить пантеизмъ, обожествляющій міръ посредствомъ эманации, истечения или излученія Божескаго существа въ міръ“ (стр. 2). Какъ видитъ читатель, авторъ замѣтки совершенно не считается съ моими заявленіями, что пантеистическія представленія я принимаю въ несобственномъ, фигуральномъ смыслѣ. Но поразительно, какъ это мой критикъ, начертывая выше приведенныя строки, не вспомнилъ хотя бы христіанскаго ученія объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ и его богоподобіи. Не означаетъ ли это ученіе какъ разъ того, что Богъ сообщилъ человѣку нѣкоторыя изъ Своихъ совершенствъ и именно не вполне, а только отчасти? Этакъ автору и 1 главу Бытія придется заподозрить въ пантеизмѣ.

Если не болѣе эффектенъ, то еще болѣе элементаренъ промахъ, который допускаетъ мой критикъ, обличая меня въ дуализмѣ. „Откуда авторъ взялъ, что теизмъ признаетъ *ex nihilo* въ смыслѣ нѣчто положительное, въ смыслѣ реального ничто, ограничивающаго Божественныя силы и совершенства? Такъ учить дуализмъ“ (стр. 9). Неосмотрительный

критикъ и не подозрѣваетъ, что онъ самъ допускаетъ это приблизительное пониманіе, всякій разъ какъ говоритъ о твореніи ex nihilo. Какъ уже ранѣе указывалось, реализація „ничто“ неизбѣжно здѣсь вкрадывается въ наше сознаніе, и нужно успіе и специальная работа мысли, чтобы отъ этой реализаціи освободиться. Но авторъ замѣтки, какъ намъ извѣстно, свою мысль не любитъ беспокоить и потому самъ не могъ возвыситься надъ тѣмъ приблизительнымъ представленіемъ, которое обличаетъ у меня.

Обнаруживъ такимъ путемъ мои многочисленныя заблужденія, авторъ замѣтки дѣлаетъ имъ такое краснорѣчивое резюме, дающее исходъ его негодованію. „Нечего сказать, пишетъ онъ, извратить христіанскій теизмъ до неузнаваемости, лишитъ христіанское міровоззрѣніе значенія Богооткровенной религіи и превратитъ его въ чисто человѣческую спайку пантеизма съ дуализмомъ, вызванную-де стремленіемъ религіозно-эволюционирующаго человѣческаго сознанія примирить эти два противоположныя міровоззрѣнія,— и еще съ рѣдкимъ цинизмомъ заявлять, что „ничего въ этомъ нѣтъ компрометирующаго для теизма“. На это рѣдкій изъ философовъ-циниковъ согласился бы пойти“ (стр. 9). Предшествующія разсужденія достаточно показали, какъ нелѣпы всѣ эти обвиненія. Никакого „извращенія“ теизма у меня нѣтъ; напротивъ, основной теистическій тезисъ является у меня въ подлинной его чистотѣ. Вопросы о происхожденіи христіанскаго міровоззрѣнія я не касался, а лишь сдѣлалъ попытку обосновать тезисъ теизма діалектически. Мой „пантеизмъ“ и „дуализмъ“—всего на всего приблизительныя представленія, которыя можно находить даже въ Св. Писаніи. А критикъ съ негодованіемъ говоритъ о моемъ цинизмѣ, въ которомъ я будто бы превосхожу даже философовъ-циниковъ!

Обличая меня въ неправыхъ мнѣніяхъ, авторъ замѣтки не менѣе энергично протестуетъ противъ того, что я признаю Лейбница типичнымъ представителемъ теизма. Это ему кажется удивительнымъ насиліемъ надъ истиной, „при наличности у Лейбница пантеистически-дуалистическаго воззрѣнія на твореніе міра“ (стр. 10). Но что же мнѣ было дѣлать, разъ Лейбницъ дѣйствительно не менѣе строгій теистъ, чѣмъ, напримѣръ, мой критикъ? Какъ же мнѣ было не признать Лейбница теистомъ, когда онъ совершенно опредѣленно

учить о твореніи міра изъ ничего (см. подтверждающія это цитаты на стр. 281 моего сочиненія)? Моего критика смущаетъ „наличность у Лейбница пантеистически-дуалистическаго возрѣнія“. Но вѣдь я же многими аргументами доказываю, что пантеистическія и дуалистическія выраженія Лейбница имѣютъ приблизительный характеръ, понимаются имъ въ несобственномъ смыслѣ. Казалось, если бы авторъ хотѣлъ меня опспорить и обвинить Лейбница въ пантеизмѣ, то ему нужно бы было первымъ дѣломъ обратить вниманіе на эту аргументацію и постараться ее опровергнуть. Между тѣмъ онъ этого не дѣлаетъ и даже самую мысль мою о томъ, что пантеистическія представленія Лейбница нужно принимать въ несобственномъ смыслѣ, совершенно *игнорируетъ*. И пусть бы мои доказательства по этому поводу основывались на какихъ-нибудь отвлеченныхъ, туманныхъ соображеніяхъ. Тогда еще столь пренебрежительное отношеніе къ нимъ автора замѣтки было болѣе или менѣе понятно. Но ничего подобнаго нѣтъ. Свою мысль о томъ, что пантеистическія представленія Лейбница нельзя принимать въ серьезъ, я основываю на собственныхъ разъясненіяхъ Лейбница. Въ моей книгѣ, между прочимъ, приводится такое мѣсто изъ Лейбница: „И у насъ иногда принято говорить, что душа есть часть Бога, *divinae particula aerae*. Но подобныя выраженія нуждаются въ смягчающемъ истолкованіи. Богъ не имѣетъ частей, и когда говорятъ, что душа есть *истечение* Бога (*émanation de Dieu*), то нельзя представлять дѣло такъ, что душа есть частица, оторвавшаяся отъ Него и долженствующая снова въ Него возвратиться, какъ капля воды въ океанъ, ибо это означало бы дѣлать Бога дѣлимымъ. Это нужно понимать въ томъ смыслѣ, что душа есть непосредственное произведеніе Бога... Нельзя сказать, что душа *истекла* изъ субстанціи Бога такимъ образомъ, который даетъ Богу части; *она можетъ быть произведена лишь изъ ничего*“ (стр. 285). Ну можно ли послѣ всего этого подозревать Лейбница въ пантеизмѣ и можно ли сколько-нибудь считаться съ сужденіями критика, пренебрегающаго такими свидѣтельствами?

Чуть ли не болѣе еще негодуетъ авторъ замѣтки по поводу моихъ сужденій объ ученіи Лейбница о Божественномъ промышленіи. Если мои мысли о твореніи критикъ находитъ „чудовищными“, то отъ моихъ сужденій о Божествен-

номъ промышленности ему становится „страшно“. Но чего же испугался малодушный критикъ? Слово, терминологіи! впадая и здѣсь въ недоразумѣніе относительно моей дѣйствительной мысли. Дѣло въ томъ, что, говоря о Божественномъ сохраненіи твореній, Лейбницъ квалифицируетъ его какъ *creatio continua*. Какъ извѣстно, въ схоластическомъ богословіи это—весьма распространенная идея и ничего „страшнаго“ въ себѣ не заключаетъ. Ее даже слѣдуетъ признать весьма глубокою концепціею дѣйствія Божественнаго сохраненія въ мірѣ. Дѣйствительно, вдумываясь въ существо этого дѣйствія, соглашаешься, что его трудно представлять иначе, какъ въ видѣ второго творенія, ибо сохранять вещи для Бога значить именно возводить ихъ изъ ничтожества, въ которое онѣ, даже по признанію отцовъ Церкви (см. напр. соотвѣтств. цит. изъ Аенасія Вел. и Кирилла Александ. въ „Прав. догм. богосл.“ митр. Макарія, т. I, стр. 52), иначе бы обратились. Я думаю самъ мой суровый критикъ не осудилъ бы меня за все это, не назови я ученія о Божественномъ сохраненіи „пантеистическимъ элементомъ въ теистическомъ міровоззрѣніи“ и „правдою“ пантеизма. Я имѣлъ въ виду этимъ отмѣтить, что въ ученіи о сохраненіи теизмъ имѣетъ нѣчто общее съ пантеизмомъ, поскольку тѣмъ и другимъ устанавливается нѣкоторое *постоянное* отношеніе Бога къ міру. Вѣдь сходство можетъ быть между самыми несходными предметами и устанавливать это сходство ни для кого не запрещено. Конечно, отмѣчая сходство между теизмомъ и пантеизмомъ, я ни на минуту не терялъ изъ виду раздѣляющихъ ихъ различій и, думается, достаточно ясно показалъ, что и Лейбницъ эти различія имѣлъ въ виду (см. напр. § 13, стр. 283). Чтобы устранить возможные недоумѣнія, я даже, говоря о пантеистическомъ элементѣ въ теистическомъ міровоззрѣніи, ставилъ слово „пантеистическій“ въ кавычкахъ, желая тѣмъ показать, что беру это слово въ нестрогомъ смыслѣ. Но всѣ эти предосторожности оказались напрасны. Для моего критика достаточно было встрѣтить въ моихъ сужденіяхъ это криминальное выраженіе, чтобы по своему обыкновенію вознегодовать. Особенно авторъ возмущается по поводу приведеннаго у меня изреченія ап. Павла изъ его рѣчи въ аѣинскомъ ареопагѣ: „мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ“ (Дѣян. 17, 28). Я справедливо назвалъ это изреченіе классическимъ

выраженіемъ „пантеистическаго“ элемента въ христіанскомъ міровоззрѣніи. Изъ предшествующихъ моихъ разсужденій довольно ясно слѣдуетъ, что „пантеистическій“ элементъ у меня=ученію о Божественномъ сохраненіи твореній. Кажется, ясно, что никакихъ неправыхъ мнѣній у меня здѣсь нѣтъ и негодовать на меня не за что. Если ужъ авторъ хочетъ быть строгимъ и имѣеть потребность обличать, то онъ могъ бы, самое большее, пожурить меня за употребленіе несоответственныхъ выраженій, хотя, по моему, бояться словъ не слѣдуетъ. Но авторъ замѣтки отнесся къ дѣлу совершенно иначе. Не понявъ моей мысли, онъ вообразилъ, что я превращаю апостола Павла въ „классическаго пантеиста“, и придя въ крайнее раздраженіе, начинаетъ говорить о моемъ „кошунствѣ“, „дерзновеніи“ и т. п. (стр. 11).

Мой „отвѣтъ“ нѣсколько растянулся, и я, чтобы не надоѣсть читателю, долженъ его закончить. Я далеко не исчерпалъ еще всѣхъ обращенныхъ ко мнѣ моимъ критикомъ упрековъ. Но, во-первыхъ, удѣльный вѣсъ моего критика, я думаю, уже достаточно обнаружился, а во-вторыхъ, то, что осталось еще не разобраннѣмъ, или представляетъ собою повтореніе стараго, или же явно неосновательныя обвиненія. Дѣло въ томъ, что подъ конецъ мой критикъ сверхъ всякой мѣры увлекся своимъ полемическимъ настроеніемъ и готовъ обвинить меня въ какой-угодно ереси даже безъ всякой тѣни основанія. Такъ, очевидно, чтобы пополнить коллекцію приписанныхъ мнѣ заблужденій, авторъ замѣтки обвиняетъ меня, между прочимъ, въ „проповѣди натуралистической морали“ и для этой цѣли даже поправляетъ мой текстъ. У меня въ книгѣ сказано: „психологія и мораль всегда сохраняютъ значительную независимость отъ метафизики“. Авторъ почему-то категорически приказываетъ вмѣсто слова „значительную“ читать „полную“ (стр. 13).

Въ заключеніе приведу тѣ слова, какими авторъ заканчиваетъ свою замѣтку и какими онъ наноситъ мнѣ, что называется, coup de grâce. „Г. Бѣляевъ, пишетъ мой критикъ, ископаетъ философа ХVІІ вѣка—Лейбница, всѣми неправдами облачаетъ его въ плащъ христіанскаго философа-теиста и выпускаетъ его на бой съ старымъ Спинозовскимъ пантеизмомъ, при томъ такъ, что пантеизмъ вырисовывается во всей своей несокрушимой-де красѣ, а теизмъ и все христіанское міровоззрѣніе принижается и опошляется до человѣче-

скаго компромисснаго конгломерата. Такимъ путемъ г. Бѣляевъ извлекаетъ изъ философскаго архива стараго и злостнаго врага христіанства и, подновивъ и воспѣвъ его, бросаетъ его на бой съ христіанствомъ, въ помощь безчисленнымъ современнымъ врагамъ Христа и Его Церкви“ (стр. 14—15). Мнѣ не хочется спорить съ моимъ критикомъ относительно взгляда на Лейбница, какъ на ископаемое и на счетъ устарѣлости пантеизма Спинозы. Споръ этотъ не обѣщаетъ быть поучительнымъ. Равнымъ образомъ я не стану протестовать противъ того, будто я „всѣми неправдами облачаю Лейбница въ плащъ философа-теиста“. Это значило бы повторять предыдущее. Я позволю себѣ остановиться лишь на заявленіи критика, будто пантеизмъ у меня „вырисовывается въ своей несокрушимой красѣ“, „подновляется“ и „воспѣвается“ мною. Помимо того, что это совершенно не вяжется съ содержаніемъ моей книги, это нисколько не соответствуетъ даже тому, что говорится о моихъ сужденіяхъ въ самой замѣткѣ автора. Онъ вездѣ старался доказать, что я искажаю теизмъ, составляя его изъ элементовъ пантеизма и дуализма. Но что я воспѣваю пантеизмъ и реставрирую его, на это авторъ замѣтки не сдѣлалъ и намека. Напротивъ мое изложеніе пантеистической системы Спинозы, съ философской и литературной стороны, моего критика, по видимому, совсѣмъ не удовлетворяетъ: онъ называетъ его туманнымъ и лишеннымъ цѣлостности (стр. 6). Всѣ же эти рѣчи на счетъ моего тяготѣнія къ пантеизму, очевидно, появились исключительно затѣмъ, чтобы какъ можно эффектнѣе кончить и какъ можно вѣрнѣе поразить.

В. Бѣляевъ.

---





# САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

## **Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»**

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

**На сайте академии**  
**[www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки